

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.Н. Котович

**Характеристика членов
С.-Петербургского духовно-
цензурного комитета эпохи
Николая I**

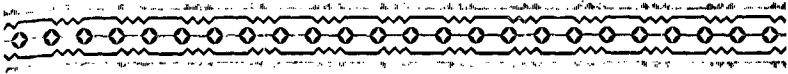
Опубликовано:

Христианское чтение. 1907. № 2. С. 205-222.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Характеристика членовъ С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета эпохи Николая I.

ИСТОРИЯ цензуры эпохи императора Николая I—это рядъ анекдотовъ, то комическихъ, то печальныхъ, оставляющихъ, однако, по себѣ чувство какого-то недоумѣнія. Читая, напримѣръ, исторію русской цензуры А. М. Скабичевского, или дневникъ Пигиненко, или матеріалы, собранныя Барсуковымъ, начинаешь жалѣть нашихъ цензоровъ, хотя между ними и попадались удивительные экземпляры въ смыслѣ типичности, съ какой они воплотили въ себѣ духъ времени и бурбонства. Послѣ введенія новаго цензурнаго устава, эти маленькіе чиновники совершенно растерялись, не зная, чего же въ концѣ концовъ отъ нихъ требуютъ¹⁾.

Вотъ общее впечатлѣніе, вынесенное однимъ историкомъ литературы отъ знакомства съ приставниками «умственныхъ плотницъ» николаевской эпохи. И, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, дѣятельность цензоровъ гражданскихъ, оно, однако, въ извѣстной мѣрѣ относится и къ практикѣ цензоровъ духовныхъ. Здѣсь царилъ тотъ же трагикомизмъ, который можетъ возбуждать и аналогичное чувство сожалѣнія.

Тѣмъ не менѣе, хотя одинъ рокъ тяготѣлъ надъ всѣми, и всѣхъ давилъ одинъ режимъ, но было и нѣкоторое различіе въ реагированіи на его велѣнія со стороны личности цензоровъ.

¹⁾ Евг. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки по исторіи русской литературы XIX в., Спб. 1902 г., стр. 47—8.

Одни добровольно «споспѣшествовали предначертаніямъ» свыше, другіе поступали также, но уже послѣ борьбы съ собой, третьи обнаруживали нѣкоторый протестъ и... страдали.

И долгъ изслѣдователя не смѣшивать однихъ съ другими. Онъ обязанъ, насколько, конечно, позволяютъ матеріалы, отбѣнить индивидуальныя штрихи отдѣльныхъ мнѣній, подчеркнуть различіе взглядовъ. Задачей настоящаго очерка и является указаніе характерныхъ чертъ болѣе выдающихся членовъ С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета во вторую четверть прошлаго столѣтія.

Уже по своему топографическому положенію—вблизи отъ центральнаго духовнаго управленія—петербургскій духовно-цензурный комитетъ болѣе другихъ долженъ былъ испытывать вліяніе и отражать на себѣ колебанія непостоянной петербургской атмосферы. Если даже м. Серафимъ и два его довольно апатичныхъ преемника, въ качествѣ попечителей академическаго округа, не весьма ревниво слѣдили за дѣятельностью комитета,—за то невдалекѣ находились синодальныя канцеляріи, еще ближе органы Протасова въ видѣ взысканныхъ имъ ректоровъ академіи и семинаріи. И, какъ видно изъ дѣлъ, комитетъ волей или не волей долженъ былъ считаться съ посторонними влущеніями. Иногда, впрочемъ, въ числѣ документальныхъ данныхъ содержится лишь приглашеніе тому или иному изъ цензоровъ явиться къ извѣстному часу «для объясненій по дѣламъ службы»¹⁾. Эти личные переговоры, влущенія, ходатайства, безъ сомнѣнія, имѣли не мало важное значеніе въ дѣятельности петербургскаго духовно-цензурнаго комитета, за то въ той же мѣрѣ они являются и препятствіемъ къ восстановленію многихъ деталей при характеристикѣ лицъ и фактовъ.

Вторая черта, которая также бросается въ глаза, особенно при сравненіи петербургскаго комитета съ московскимъ,—это частая смѣна членовъ цензуры. Одни умирали, другихъ переводили и отрѣшали, третьи сами «за распространеніемъ круга обязанностей» отказывались. Въ общемъ за четверть вѣка перемѣнялось здѣсь не менѣе двадцати пяти членовъ. Немалое число изъ входившихъ въ составъ комитета членовъ-протоіереевъ и даже архимандритовъ имѣло дѣйствительно распространенный

¹⁾ Дѣло Сиб. духовно-цензурнаго комитета 1843 г., 21 декабря.

кругъ весьма разнородныхъ обязанностей въ ущербъ аккуратности по цензурѣ ¹⁾).

Самымъ выдающимся изъ цензоровъ, перешедшихъ изъ александровской эпохи въ николаевскую, былъ, конечно, свящ. Г. П. Павскій.

При сопоставленіи понятій «духовная цензура» и «прот. Павскій» въ сознаніи какъ то невольно выступаетъ на первый планъ страдательное положеніе нашего знаменитаго экзегета-филолога,—испытаніе его правовѣрія въ горнилѣ специальныхъ комитетовъ, выступаетъ болѣе, чѣмъ его активная дѣятельность на поприщѣ той же цензуры.

Среди отзывовъ членовъ слб. духовно-цензурнаго комитета отзывы Павскаго замѣтно выдѣляются своимъ спокойствіемъ и объективностью. Нѣтъ въ нихъ тѣхъ мелочныхъ придирокъ,—восклицательныхъ знаковъ и т. п., отъ которыхъ не всегда воздерживались его сотоварищи. По этой то причинѣ и измѣн-

¹⁾ Вотъ перечень членовъ петербургскаго духовно-цензурнаго комитета съ 1828 по 1855 годы:

- Иннокентій (Борисовъ)—по 1830 г.
 Симеонъ (Платоновъ) прот. по 1831 г.
 Наѳанайль (Павловскій) архим. по 1830 г.
 Макарій архим. 1831—37 г.
 Іосифъ (Позднышевъ) соб. іером. въ 1831 г.
 І. Ивановъ свящ. 1831—35 г.
 Платонъ (Городецкій) 1832—38 г.
 І. Колоколовъ, свящ. 1835—38 г.
 Климентъ (Можаровъ) архим. 1837 г.
 Евсевій.
 Леонасій (Соколовъ) архим. 1839—1841 г.
 Филофей (Успенскій) 1840—41 г.
 Іосафъ (Покровскій) архим. 1839—41 и 1843—44.
 Делекторскій К., свящ. 1841—42.
 Райковскій А. 1841—45 г.
 Макарій (Булгаковъ) сверхштатный).
 Цикольскій Т., прот. 1842—48.
 Феогностъ (Лебедевъ) архим. (времен.).
 Окушевъ А., прот. 1842—51 г.
 Аввакумъ (Честной) 1845—49 г.
 Іоаннъ (Соколовъ) іером. 1848—57 г.
 Іоанникій (Горскій) архим. 1850—57 г.
 Кирилль (Наумовъ) съ 1851 г.
 Богословскій М., прот. 1853 г.
 Карповъ. В. проф. съ 1855 г.
 Спб. Д. Ц. К., 1832, 13.

чивыя вѣянія «духа времени» не колебали его цензурной точки зрѣнія, основанной на твердой почвѣ св. Писанія, «здраваго разума» и реальныхъ фактовъ ¹⁾! Такъ съ одной стороны, въ самый разгаръ мистическихъ чаяній единой религін, онъ не стѣснялся усиленно подчеркивать—«папистическія тенденціи и уклоненія частной церкви Римской». За то, напримѣръ, въ перипетіяхъ вопроса о судьбѣ духовнаго схоластическаго образованія онъ и до и послѣ «достопамятнаго 1824 года», всегда оставался противникомъ книгъ «написанныхъ школьнымъ языкомъ и изобилующихъ такими терминами, которые въ людяхъ неученыхъ производятъ отвращеніе отъ истиннаго богословія» ²⁾).

Прежде всего онъ старательно изгонялъ все схоластическое изъ спеціальной области своего знанія, — пособій въ дѣлѣ преподаванія еврейскаго языка и одобрялъ примѣненіе «новѣйшихъ по сей части наблюденій». Такъ напримѣръ, рассматривая грамматику Пожарскаго, онъ вооружается противъ приписываемыхъ ударенійъ высокыхъ титуловъ царей, императоровъ, князей, что противно доброму вкусу, а свойственно лишь раввинской схоластикѣ ³⁾. Допуская для грамматикъ лишь самыя необходимыя техническія термины, Павскій, при разсмотрѣніи одной грамматики (Миропосицкаго), не удержался даже, чтобы не воскликнуть: Храни Боже нашъ языкъ отъ такихъ грубостей, какъ термины: парагога, аферезизъ, синкопа, метатезисъ ⁴⁾).

Стоя на точкѣ зрѣнія жизненныхъ потребностей, не могъ онъ примириться и съ такими проповѣдями, которыя представляли собою «ученическія хриі въ ученическомъ вкусѣ», съ произвольными толкованіями, доказательствами отъ противнаго и т. д., хотя бы даже онѣ произносились при погребеніи князей, или сказаны были авторитетными лицами въ іерархіи ⁵⁾.

Но съ другой стороны вызывали строгое порицаніе Павскаго и рѣчи магистра свящ. Ал. Малова (лица слишкомъ близкаго къ мистикамъ). Разбирая его «слово надгробное» ⁶⁾. Павскій между прочимъ замѣтилъ: «по моему мнѣнію, оно не имѣетъ никакого достоинства въ отношеніи къ церковной ка-

¹⁾ Спб. Д. Ц. К., 1825, 14.

²⁾ Спб. Д. Ц. К., 1821 г., 9; 1821, 36 (самый отзывъ 1825 г.).

³⁾ Спб. Д. Ц. К. 1818, 6, 1825, 5; 1820, 10.

⁴⁾ Спб. Д. Ц. К. 1820, 1.

⁵⁾ Спб. Д. Ц. К. 1822, 9.

осдрѣ. Изъ усть проповѣдника всякій хочеть слышать мысли христіанскія, изложенныя важнымъ слогомъ. Но въ семь словѣ одни пустые звуки, наборъ словъ.. Ораторъ изъ общихъ мѣсть собираеть хвалы усопшей, называя ее «утѣшительницей чело-вѣчества, домоправительницей, благоразумнѣйшей и прочими именами въ превосходнѣйшей степени. Почему, спрашиваетъ ораторъ, она должна была увянуть какъ цвѣтокъ (очень русское) отпасть, какъ листвіе (очень славянское) отлетѣть какъ вѣтръ, прейти, какъ сонъ, убѣжать какъ видѣніе, сокрыться, какъ метеоръ привременный» (странный наборъ словъ...).

Если назвать рѣчь не словомъ, а напр., «плачь молитвенный», то она, продолжаетъ Павскій, могла бы быть издана; но подъ именемъ проповѣди или слова не можетъ быть въ публикѣ. Въ сей проповѣди—ни одного слова, ни одной мысли почеркнутой изъ Св. Писанія. Наборъ словъ, дѣсть нестерпимая для слуха и для чувства... Не въ наборѣ прилагательныхъ, въ превосходной степени поставленныхъ, состоитъ достоинство рѣчи, но въ указаніи самыхъ дѣль, заслуживающихъ вниманія публики».

Не пропустилъ, конечно, Павскій и мистической рукописи «Толкованіе именъ Божественныхъ», гдѣ слово «ура» было включено въ эту категорію... ¹⁾.

Тѣмъ естественнѣе Павскій искалъ «указанія самыхъ дѣль» при разсматриваніи сочиненій историческихъ. Такъ о книжкѣ «Краткое историческое обозрѣніе Россійской Церкви», Павскій замѣчаетъ: «Духъ, съ которымъ смотрѣлъ сочинитель на событія, болѣе набожный, нежели разборчивый, историко-критическій. Оттого повѣсти, носившіяся въ набожныхъ преданіяхъ, становятся на ряду съ исторіей и вносятся въ очень длинныя, но ни мало убѣдительныя разсужденія...» Впрочемъ, вѣрный своему обычаю отмѣчать все за и противъ, Павскій даетъ такое заключеніе: «Не нахожу книгу сію классическою. но впрочемъ, для употребленія въ народѣ признаю годною, по ея набожному стремленію — (безъ назначенія для школъ). Если же какая школа сочтетъ ее своею классическою, пусть считаетъ и употребляетъ. Пока нѣтъ наилучшаго, дотолѣ годится и хорошее и посредственное» ²⁾.

Зато, когда представлялись въ цензуру сочиненія, имѣвшія болѣе солидныя цѣли и претензіи, тогда Павскій примѣнялъ

¹⁾ С.П.В. Д. Ц. К., 1824,9.

²⁾ С.П.В. Д. Ц. К., 1819,4.

къ нимъ и болѣе серьезныя критеріи. Такъ одобрить «Евангельскую исторію» (сводъ) оны согласился лишь подъ условіемъ выпуска примѣчаній: «въ нихъ указываются только разногласія, а не указывается способъ соглашенія, а потому читатель будетъ введенъ ими въ непріятную мысль о разногласіи евангелистовъ. Указывать разногласія можно тамъ, гдѣ указывается и способъ соглашенія... Точность требуетъ того, чтобы мѣста изъ Писанія приводились подлинно въ томъ духѣ и тонѣ, въ какомъ оны поставлены тамъ» ¹⁾).

Или: не протестуя противъ изданія въ свѣтъ «Археологін церковныхъ обрядовъ», Ив. Дмитревскаго, Павскій добавляетъ: «впрочемъ, классическою она быть не можетъ,—ибо для таковой не довольно одного свода разнообразныхъ матерій подъ извѣстныя статьи, чѣмъ особенно она отличается, но нужны сужденія, сравненіе, болѣе точное и основательное расчлененіе содержанія, чего въ ней не достаетъ. Также есть такія положенія, которыя основаны на частномъ мнѣніи и сдѣланы общими»... ²⁾).

Оригинальное явленіе въ цензурной дѣятельности Г. П. Павскаго представляетъ разсмотрѣніе имъ переводовъ Св. Писанія на инородческіе языки.

Повидимому, Павскаго уже тогда сложны были считать обладающимъ даромъ языковъ до безпредѣльности. По крайней мѣрѣ издавался ли переводъ катихизиса Филарета на грузинскій языкъ, или—новаго завѣта на какое либо финское нарѣчіе, свидѣтельствованіе его правильности поручалось Г. П. Павскому. И если въ первомъ случаѣ ему еще могъ оказать помощь какой либо чиновникъ-специалистъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, или заѣзжіи іеромонахъ, то въ послѣднихъ приходилось ему изобрѣтать собственные цензурныя приемы. Для характеристики ихъ приведемъ два отзыва Павскаго ³⁾. Свидѣтельствуя переводъ евангелія на остяцкій языкъ (составленный разными лицами въ Тобольской епархіи), оны пишетъ: не зная остяцкаго языка, я не могу судить о достоинствѣ перевода, касательно его ясности и удобопонятности для остяковъ, а также правильности и чистоты языка. Впрочемъ, такъ какъ при этомъ переводѣ есть буквальный съ него переводъ на російскій языкъ, то можно нѣсколько судить и о

¹⁾ С.П.В. Д. Ц. К. 1822,15.

²⁾ С.П.В. Д. Ц. К., 1820,10.

³⁾ С.П.В. Д. Ц. К. „по снош. съ К. Д. Уч.ч.“

качествахъ подлинника. Онъ очень недостаточенъ по всѣмъ отношеніямъ и его нельзя назвать переводомъ Евангелія отъ Матоея, а лишь свободнымъ повѣствованіемъ о дѣлахъ І. Христа по руководству Св. Матоея, въ примѣненіи къ правиламъ и обычаямъ остяковъ и къ мѣстному положенію и состоянію ихъ земли. Въ переводѣ не передается чистое понятіе о дѣлахъ и жизни Іисуса, какъ Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ землѣ Іудейской, но какъ бы хотѣлось переводчику, чтобы онъ жилъ и училъ у остяковъ въ Сибири. Оттого, вмѣсто слова «пустыня», поставлено «гѣсъ»; вмѣсто акриды—звѣрки,—родъ комаровъ; динарій—серебрянная рублевка; сыны царствія—богатые люди; мытари—государственные сборщики; «Блаженны пиціе духомъ» передано: счастливы тѣ, которые неучены; да святится имя твое,—да будетъ имя твое свѣтло, какъ солнце, дай намъ на томъ свѣтѣ хорошее мѣсто; вмѣсто «Пасха»—слова, которое вездѣ принято,—сказано: «великій святой обѣдъ, праздничный день великолѣпнаго стола».

Очевидно, заключаетъ цензоръ, причиною сего было то, что языкъ остяцкій не имѣетъ словъ для выраженія всѣхъ вещей, находившихся въ землѣ іудейской, но въ такомъ случаѣ можно бы было употребить слова русскія для остяка и внизу объяснить. Ни одинъ въ свѣтѣ переводъ не существуетъ, гдѣ бы переводились обычаи на обычаи, климатъ на климатъ».

Еще болѣе сложную задачу представляло разсмотрѣніе перевода евангелія на вогульскій языкъ: къ нему не былъ приложенъ дословный пояснительный текстъ на русскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе Навскій и здѣсь далъ свой отзывъ. О достоинствахъ перевода, писалъ онъ, судить не могу, потому что нѣтъ буквального перевода на російскій языкъ. Но соображенію, какое можно было сдѣлать, видно, что переводъ близокъ къ подлиннику, постоянно въ выраженіяхъ, ибо одни слова подлинника одинаково переведены. Слова, которыхъ не достаетъ на вогульскомъ языкѣ, переводчикъ передаетъ російскими, напр.: мытарь, душа, народъ, ибо, вотъ, горчица, молитва. Очень вѣроятно, что слова сін вошли или могутъ войти въ вогульскій языкъ, но не вѣроятно то, чтобы они перешли вмѣстѣ съ склоненіями и даже съ предлогами. Я не думаю, чтобы по вогульски было сказано «съ ангелами». Ни въ одинъ языкъ не переносятся такъ слова, а всегда, переходя въ чужой языкъ, слово или остается не склоняемымъ, или склоняется по образцу того языка, въ который переходитъ. Предлоги въ

вогульскомъ языкѣ есть свои. По сему подозрѣнію, я не могу думать, чтобы переводъ сей былъ ясенъ и вѣренъ».

Итакъ, къ чему ни прикасалось цензорское перо Павскаго, — вездѣ оно старалось подчеркнуть доводы за и противъ, и въ результатѣ оставляло слѣды подлинно-критической оцѣнки. Такая объективность вскорѣ послѣ кризиса 1824 года была поставлена на видъ. Обстановка, при которой Павскій выходилъ изъ состава комитета, хорошо изложена его ученикомъ и почитателемъ А. Никитенко. Въ своемъ дневникѣ подъ 25 апрѣля 1827 года онъ записалъ: «Попечитель представилъ Павскаго къ брилліантовымъ знакамъ ордена св. Анны 2 класса. Но министръ (Шишковъ) его не любитъ, и представленіе не пошло дальше. Мало того, Павскому на дняхъ грозила еще худшая непріятность. Злоба, раздраженная всего болѣе достоинствами своего предмета, задумала было погубить этого чело-вѣка, одного изъ добрейшихъ, умнейшихъ, ученѣйшихъ людей въ столицѣ.

Павскій — цензоръ духовныхъ книгъ. Назадъ тому мѣсяца три напечатана книга «Очевидность Божественнаго происхожденія христіанской религіи», переведенная однимъ изъ монаховъ товарищей по университету, кончившимъ курсъ въ нынѣшнемъ году. Попечитель возилъ и книгу, и переводчика къ министру, который принялъ обоихъ весьма благосклонно. Но, дня три тому назадъ, желая найти способъ повредить Павскому и, безъ сомнѣнія, не находя онаго, онъ рѣшился воспользоваться вышеупомянутою книгою. Она была сvezена и прочитана государю. Но государь поступилъ вопреки ожиданіямъ министра. Онъ не нашелъ въ ней ничего разрушительнаго, какъ утверждали министръ, а только выразилъ удивленіе что сей, вмѣсто дѣла, занимается бездѣльемъ. Поступокъ мудрый, подающій надежду, что участь людей и просвѣщенія не будетъ у насъ всегда зависѣть отъ сплетней праздныхъ или неблагонамѣренныхъ людей» ¹⁾.

Іоаннъ (Доброзраковъ), инспекторъ Академіи (докторъ богословія за трудъ по герменевтикѣ), членомъ цензурнаго комитета былъ недолго, — съ 1824 по 1827 годъ. «По характеру живой и веселый, по уму острый, любящій пошутить надъ другими и замѣтить ихъ слабую или смѣшную сторону, откровенный, не умѣющій скрывать, что у него на сердцѣ,

¹⁾ Записки и дневникъ, т. I. 224—5.

Иоаннъ съ подчиненными своими быть добръ, ласковъ, привѣтливъ, снисходителенъ и не формалистъ» ¹⁾). Поэтому-то, добавимъ отъ себя, онъ и оказался непригоднымъ во времена «обратнаго хода» для должности цензора. Въ 1827 году, «по представленію академической конференціи, о нежеланіи ректора академіи арх. Иоанша и проф. Павскаго продолжать обязанности цензора, комиссія предписала ихъ уволить», а на ихъ мѣсто были назначены Антоній и Иннокентій.

«Откровенный и не формалистъ» Иоаннъ и во времена Шишкова (какъ потомъ Протасова) не умѣлъ, или вѣрнѣе не хотѣлъ присматриваться къ знаменіямъ времени и слѣдовать ихъ указаніямъ. Вотъ три примѣра, въ которыхъ даже подъ официальной оболочкой сохранились жизненные черты духа времени, и безъ комментаріевъ понятны для наблюдателя.

11 апрѣля 1825 года въ духовно-цензурный комитетъ поступило прошеніе отъ вдовы ген.-м. Крыжановскаго такого содержанія: «Отъѣзжая въ деревню, я имѣю желаніе собственно для своего употребленія напечатать по прилагасмой у сего рукописи отъ 10 до 20 экзем. «Молитвъ при Божественной литургіи» и «Канона Пр. Богородицѣ» русскими буквами, а потому прошу духовно-цензурный комитетъ дать на сіе дозволеніе». Архим. Иоаннъ, можетъ быть и неосознательно, но тяжко погрѣшая противъ «символа вѣры» Шишкова, «по уваженію обстоятельствъ» дозволилъ отпечатать просимое число экземпляровъ. 23 апрѣля въ цензурный комитетъ уже было доставлено узаконенное ихъ число (9).

Но вотъ черезъ четыре дня цензору пришлось писать управляющему медицинской типографіей: «Благоволите прислать въ Цензурный комитетъ всѣ экземпляры отпечатанной книжки «Молитвы и Канона» для уничтоженія оныхъ. Типографія исполнила это 5 мая и прислала остальные одиннадцать экземпляровъ ²⁾).

Во второмъ случаѣ уже комиссія духовныхъ училищъ могла признать Иоанша недостаточно предупредительнымъ къ ея обратному ходу. Три раза напоминала она цензурному комитету о рассмотрѣніи рукописи «Сѣмя воспитанія» свящ. Кмиты, и лишь послѣ того Иоаннъ далъ отзывъ, въ которомъ довольно неуважительно отнесся къ авторитетамъ комиссіи. «По со-

¹⁾ Сб. Имп. Рус. Истор. Общ., т. 113, кн. 1, стр. 146.

²⁾ С.П.Б. Д. Ц. К. 1825, 12 апрѣля.

держанію, писалъ онъ, — книга есть не совсѣмъ удачныйъ выборъ изъ Богословія Платона, Иринея Фальковскаго, П. Могилы, философія Баумейстера и книги о должностяхъ»... ¹⁾).

Наконецъ, въ третій разъ арх. Іоаннъ въ своемъ отзывѣ о сочиненіи Смирнова «Побѣдоносный Вѣстникъ торжествующаго Сіона», допустилъ рѣзкій диссонансъ съ безудержнымъ вае victis арх. Фотія. Ничего не имѣя противъ изданія книги, цензоръ настаивалъ на необходимости коренного ея исправленія по слѣдующимъ основаніямъ.

«Въ книгѣ, писалъ онъ, помѣщены многія неприличія, ложныя и одностороннія мысли, заключается много брани, превышающей мѣру благомыслящаго защитника православія... Колкости же и насмѣшки вмѣсто убѣжденія, раздражаютъ часто опровергаемаго, а въ то же время не удовлетворяютъ и благонамѣренному читателю. Таково сравненіе камельщиковъ (масоновъ) съ рудокопами-преступниками, утвержденіе, что ихъ собранія усердно посвящаются бахусу... Авторъ, затѣмъ, возстаетъ на Западную Церковь за ученіе о происхожденіи Св. Духа, называя ее виновною и мятежническою для того, чтобы показать свое искусство толковать библейскіе тексты. Между тѣмъ, самъ онъ допускаетъ произвольныя изъясненія, высказывая, на примѣръ, мысль близкую къ аріанству. Наконецъ, сочинитель дѣлаетъ неумѣстное воззваніе къ тѣмъ, коимъ поручено правительствомъ исправленіе всѣхъ безпорядковъ, и выражается нескромно насчетъ полиціи» ²⁾).

Обладая такимъ дерзновеніемъ, Іоаннъ естественно не пришелся ко двору. Болѣе у мѣста, кажется, могъ бы быть его преемникъ арх. *Антоній*. Такъ какъ дѣятельность его относится къ одному 1827 году, да и имя его фигурируетъ въ трехъ-четырехъ отзывахъ, то является рискованнымъ опредѣлять его направленіе. Тѣмъ не менѣе замѣтимъ, что Антоній сумѣлъ раскритиковать одну книгу, которую даже Шишковъ желалъ посвятить имп. Маріи Ѳеодоровнѣ. Это переводъ съ французскаго «Бдѣнія бл. Августина». Тамъ цензоръ замѣтилъ довольно живой перифразъ увѣщаній Библіи (Ап. Павла): не дѣлайте боговъ изъ обжорства, убѣгайте споровъ и распрей; чистота нравовъ вашихъ да изображаетъ І. Христа, плоть, какъ презрѣнный рабъ, да покоряется всегда разуму»... Противъ этого мѣста холодная рука цензора написала: слова ап. Павла

¹⁾ С.П.Б. Д. Ц. К. 1825, 23

²⁾ С.П.Б. Д. Ц. К. 1825, 15.

читаются такъ: «яко во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и пьянствы...¹⁾»).

Болѣе интересно то, что съ именемъ Антонія связана тяжба между духовной цензурой и тульскимъ прот. Іоан. Покровскимъ. Она проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на степень самосознанія духовенства, конечно, не всего, а передового. пишунаго, въ моментъ изданія «Устава Духовной Цензуры».

Протоіерей І. Покровский съ 1815 по 1820 г. былъ преподавателемъ богословія въ Тульской семинаріи. Хотя за «жалкіе конспекты» по своему предмету онъ былъ на довольно плохомъ счету у арх. Филарета (Дроздова), но все-таки «обладать непреоборимымъ желаніемъ сдѣлаться въ чемъ-либо полезнымъ для церкви и отечества». Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ трудился онъ надъ сочиненіемъ «Сокровище древностей церковныхъ» и, наконецъ, въ 1826 году представилъ его чрезъ Синодъ и комиссію духовныхъ училищъ въ цензурный комитетъ. Отзывъ о ней далъ Антоній.

Соглашаясь, что «въ сочиненіи довольно собрано свѣдѣній о предметахъ, церкви касающихся», цензоръ все же болѣе обращалъ вниманія на неточности и неправильности языка, на мало выясненное отношеніе автора къ преданіямъ о нерукотворенномъ образѣ и иконахъ, писанныхъ св. Лукою. «Особенно же, писалъ онъ, требуетъ исправленія предисловіе, въ которомъ болѣе надлежащаго приписывается пользы и важности церковнымъ древностямъ и паходятся рѣшительныя, но невѣрные сужденія о иновѣрныхъ христіанахъ и нѣкоторыхъ писателяхъ».

Черезъ тѣ же инстанціи рукопись уже съ рѣшительнымъ заключеніемъ, «какъ не одобренная цензурнымъ комитетомъ», была возвращена Покровскому.

Въ Антоніи послѣдній увидѣлъ своего личнаго врага и представилъ въ Св. Синодъ прошеніе, въ которомъ умолялъ его принять «Сокровище» подъ свое покровительство и «повелѣть оное вновь оцензуровать другому безпристрастному цензору». вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ онъ два рода замѣчаній—частныя и общія.

Въ первыхъ содержатся возраженія по существу дѣла. Порицающаго цензора за голословныя придирки, Покровский даетъ собственныя объясненія насчетъ того или другого пункта. Нѣко-

¹⁾ Спб. Д. Ц. К., 1827. 14.

торыя изъ нихъ довольно характерны. По поводу вопроса объ иконахъ онъ говоритъ: «Что же оставалось мнѣ дѣлать? Отвергать ли сія древнія преданія? Но симъ бы я причинилъ великій соблазнъ для російскихъ христіанъ и навлекъ бы на себя ихъ ненависть, поелику вся почти Греко-Россійская церковь увѣрена, что въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ есть икона, писанная Ев. Лукою. Пропустить ли? Но тогда бы иконопочитаіе казалось бы нововведеннымъ изобрѣтеніемъ позднѣйшихъ временъ. Отвергать эти два преданія свойственно одному только иконоборству».

Оправдывая свое предисловіе и указывая на подтасовку цензоромъ понятій «древностей» и «познапія древностей», Покровскій замѣчаетъ: конечно, принимая слова подлинника въ другомъ смыслѣ, нежели какъ понималъ сочинитель, можно представить его весьма въ худомъ видѣ.

Наконецъ, будучи увѣренъ, что въ числѣ «нѣкоторыхъ писателей», цензоръ защищаетъ и автора Исторіи Государства Россійскаго, Покровскій возражаетъ: «Я имѣлъ достаточныя причины написать то, что въ моемъ предисловіи написано, и то слегка, и не до всей исторіи, но только до нѣкоторой ея части касающееся. И въ своихъ мотивахъ отчетъ не другому кому обязанъ я отдать, какъ только защитникамъ этой самой исторіи. Ибо это дѣло критики, а не цензуры. Можетъ быть, о. цензоръ, разсматривая настоящее мѣсто, хотѣлъ поддержать авторитетъ сего сочиненія, но мало ли мы видимъ въ періодическихъ изданіяхъ критики на столь же важныя сочиненія, какъ и она исторія.

«Кн. Щербатовъ сочинилъ Россійскую исторію по Высочайшему повелѣнію и по такому же одобренію напечаталъ ее. Но чрезъ то не избѣжалъ строжайшей и на самой истинѣ основанной критики Г. М. Болтина...»

Въ замѣчаніяхъ общаго характера Покровскій дѣлаетъ резюме и высказываетъ свои убѣжденія. «Всѣ вышеназложенныя замѣчанія о. цензора, говоритъ онъ, не на самомъ дѣлѣ основанныя, показываютъ излишнюю строгость, вопреки устава духовно-цензурныхъ комитетовъ. Но подобныя дѣйствія цензуры и произвольная пріостановка новыхъ сочиненій въ напечатаніи ихъ служатъ не къ распространенію духовнаго просвѣщенія въ Россіи, но болѣе къ претыканію и подавленію онаго. При такой излишней и неумѣстной строгости цензуры російское духовенство (исключая, можетъ быть, высшаго класса), ни на

нядъ не можетъ поддаться впередъ въ своемъ просвѣщеніи, но всегда оставаться будетъ въ одномъ пунктѣ, въ одной степени, въ одной бездѣйственности, въ одной праздности.

Напротивъ, свободное допущеніе къ напечатанію новыхъ сочиненій и переводовъ, кромѣ означенныхъ въ § 12 и слѣд. устава свѣтской цензуры, много распространяетъ кругъ просвѣщенія, рождая и въ другихъ соревнованіе въ подобныхъ снмъ трудахъ, а потому могутъ явиться и такіе совершеннѣйшіе умы, которые наилучшіе могутъ принести плоды. Я уже не говорю о томъ, что сіе полезное и благородное занятіе можетъ отвлекать духовенство отъ праздности. Ибо сіе полезное упражненіе столь заманчиво, что во время онаго презираются всякія компаніи... Не мало способствуетъ оно и къ произведенію лучшихъ проповѣдниковъ Слова Божія...»

Рукопись Покровскаго, дѣйствительно, была передана въ московскій духовно-цензурный комитетъ, можетъ быть, подъ тѣмъ предлогомъ, что Тула входила въ составъ московскаго академическаго округа. Тамъ архим. Анастасій и О. Голубинскій явились какъ бы третейскими судьями. Они признали, что «сочиненіе это, представляя въ большей части буквальную компиляцію *Origines antiquit. ecclesiastic. Binghamii*, при благопріятномъ изслѣдованіи своего предмета, отличается полнотою въ сравненіи съ другими подобнаго рода сочиненіями на русскомъ языкѣ». Но не выдали они и Антонія: почти всѣ доводы его были утверждены и, въ качествѣ апологін собрата, московскіе цензоры представили особыя замѣчанія на каждую статью объясненій сочинителя¹⁾.

Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ нѣтъ этого приложенія и мы не знаемъ, что говорила *altera pars*. Впрочемъ, наиболее важна въ этомъ инцидентѣ точка зрѣнія Покровскаго; она не теряетъ своего интереса, даже если бы вторично возвращенное автору для исправленія Св. Синодомъ «Сокровище» вовсе не увидѣло свѣта.

Но если строгая дѣятельность Антонія соотвѣтствовала тогдашней церковной атмосферѣ, то тѣмъ болѣе неожиданное зрѣлище представляетъ появленіе въ цензурномъ комитетѣ богослова-новатора *Иннокентія* (Борисова).

И дѣйствительно, скорѣе всего только установившаяся тѣсная связь между должностью инспектора академіи и участіемъ

¹⁾ А. С. С., 1826, 59.

въ цензурномъ комитетѣ, могли побудить высшую духовную власть надѣлать его цензорскими полномочіями. Вѣдь самъ Иннокентій со своимъ увлекающимся настроеніемъ, съ своими «смѣлыми порывами перешагнуть всѣ грани таинственнаго и непостижимаго», съ своей склонностью къ «религіозистикѣ» и историческому изученію догматовъ, долго оставался подъ надзоромъ. И если перечисленные выше качества цензора арх. Иоанна заставляли его расходиться съ «обратнымъ ходомъ», митр. Серафима, то въ виду особенностей Иннокентія, невольное *saveant* вырывалось у митр. Филарета. Его осторожный положительный складъ ума былъ слишкомъ различенъ съ пылкостью стремленій Иннокентія. «Митр. Филаретъ—это Моисей, а Иннокентій—Ааронъ въ нашемъ богословіи и въ проповѣди», по выраженію проф. Н. П. Барсова ¹⁾.

Свое положеніе въ роли цензора картинно выразилъ впоследствии самъ Иннокентій: «что дѣлать? писалъ онъ къ Макарію 26 декабря 1848 года,—«вы теперь, по крайней мѣрѣ живете въ тихую и несуровую погоду. Пожили бы и цензорствовали въ 1826—7 годахъ. Это была вьюга на вьюгъ—громъ за громомъ» ¹⁾...

Обращаясь къ самой дѣятельности Иннокентія въ качествѣ цензора, приходится, за скудостью матеріала, говорить не о томъ, что онъ здѣсь сдѣлалъ, а о томъ, чего онъ «не сдѣлалъ», т. е. чѣмъ посвялялъ сомнѣніе и подозрѣнія въ своемъ правобѣршіи. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ дать для характеристики цензора Иннокентія разсмотрѣніе имъ «мѣста изъ рукописи: Описаніе села Царскаго, въ коемъ описывается расположеніе иконъ въ Знаменской Церкви», или «Краткаго описанія Валаамскаго монастыря», и многихъ имъ подобныхъ? При томъ же свои отзывы Иннокентій излагалъ всегда крайне сжато—въ 3—5 строкахъ.

Въ концѣ концовъ приходится отмѣтить лишь два-три эпизода, гдѣ Иннокентій является въ страдательномъ положеніи и гдѣ попутно можно выяснитъ роль м. Филарета въ дѣлахъ духовной цензуры.

Прежде всего, въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдуетъ упомянуть о замѣчаніяхъ митр. Филарета относительно Христіанскаго Чтенія, частіе—статьи Павскаго «О богословіи св. Григорія Богослова».

¹⁾ „Христ. Чтеніе“, 1883.

Въ своемъ предложеніи Синоду Филаретъ отмѣчаетъ мѣста, въ которыхъ «истина представлена не со всею должною точностью и отъ которыхъ опасаться должно соблазна въ книгѣ, коея назначеніе есть назиданіе христіанскихъ читателей всякаго званія». И дѣйствительно, тѣ отрывочныя выраженія, которыя приведены митр. Филаретомъ, особенно подъ освѣщеніемъ сдѣланныхъ изъ нихъ выводовъ, страдали неточностью и могли быть «соблазнительны» для недантовъ богословской мысли. Таковы, наприм., мѣста журнала: многіе изъ древнихъ учителей церкви сомнѣвались еще, приписывать ли Св. Духу, какъ обыкновенно приписывается Отцу и Сыну, самостоятельное бытіе или личность». Или: «почему оцъ (св. Григорій) и въ семъ отношеніи сдѣлался главнымъ основателемъ церковнаго правовѣрія». Замѣчаніе Филарета на послѣднее выраженіе слѣдующее. «Надобно обратить вниманіе на слова: «и въ семъ отношеніи» оно предполагаетъ, что тоже справедливо и въ другомъ или другихъ отношеніяхъ. Итакъ, главнымъ основателемъ церковнаго правовѣрія, болѣе нежели въ одномъ отношеніи, сдѣлался одинъ человѣкъ,—въ четвертомъ столѣтіи существованія церкви, и, слѣдственно, церковь триста лѣтъ существовала безъ церковнаго правовѣрія въ нѣсколькихъ отношеніяхъ. Это сказано совсѣмъ не на основаніи церковнаго правовѣрія: основанія бо нѣаго никто же можетъ положить, паче лежащаго, еже есть Иисусъ Христосъ».

Но такъ какъ, въ виду такихъ «послѣднихъ выводовъ», столь же логично слѣдовало обвиненіе въ ереси всѣхъ, частныхъ къ изданію Хр. Чтенія, то митр. Филаретъ оговаривается. «Ни мало не подозрѣвая ни сочинителей, ни издателей, ни цензоровъ въ недостаткѣ точности и осторожности противъ согрѣшенія въ словѣ, при благонамѣренной мысли, признать я долгомъ присяги предложить о семъ на усмотрѣніе Св. Синода, не признано ли будетъ нужнымъ подтвердить цензурѣ о усиленіи вниманія и осторожности при разсмотрѣніи сочиненій». Св. Синодъ 30 ноября 1828 года сдѣлалъ соотвѣтствующее опредѣленіе ¹⁾.

Черезъ полтора года опять имѣлъ мѣсто аналогичный фактъ, центромъ котораго явилась одобренная Пипокентіемъ книга «Памятники древней христіанской церкви» (перев. съ латинскаго) Митр. Филаретъ въ предложеніи Св. Синоду нашель

¹⁾ А. С. С., 1828, 1508.

нужнымъ поставить на видъ содержащейся въ ней подробный перечень названій, которыми клеймили въ древности христіанъ ихъ враги, а также нѣкоторое умаленіе роли епископовъ въ первенствующей церкви. Въ заключеніе онъ предлагалъ: предостеречь духовенство и училища отъ употребленія означенной книги, «благопріятствующей то латинству, то протестантству», а цензуру—отъ допущенія въ печать подобныхъ книгъ, въ противность цензурнаго устава, который велитъ надзирать не только надъ чистотою ученія, но и за правильностью изложенія».

Синодъ разослалъ по епархіямъ циркуляры о принятіи надлежащихъ мѣръ противъ распространенія книги и употребленія безъ надзора несвѣдущими въ древностяхъ людьми. Духовно-цензурному же комитету сдѣлаю было вновь «подтвержденіе, тѣмъ болѣе пастоятельное, что невнимательность сего комитета усматривается уже не въ первый разъ»¹⁾.

Въ 1830 г., за переводомъ въ кіевскую академію, Иннокентій выбылъ изъ состава комитета, тѣмъ не менѣе и тамъ, черезъ два года, онъ долженъ былъ выслушать строжайшій выговоръ Синода за старый петербургскій грѣхъ—пропускъ третьяго изданія «Размышлений Іерузалема».

Трудно судить, насколько внимательно и сознательно отнесся Иннокентій въ этой книгѣ, бывшей нѣкогда предметомъ пререканія между духовной и свѣтской цензурой. Судя по отзыву, онъ обусловилъ изданіе «Размышлений», предварительнымъ пропускомъ въ нихъ соотвѣтствующихъ мѣстъ и внесеніемъ нужныхъ примѣчаній. Тѣмъ не менѣе, нужно признать, что нѣкоторые пункты, подлежавшіе исключенію, остались въ книгѣ въ обличіе ея цензора. Можетъ быть, дѣйствительно Иннокентій щадилъ для нихъ красныя чернила, но, вѣроятно все же, онъ просто не находилъ особыхъ побужденій скрупулезно очипать отъ плевель книгу, выдержавшую уже два изданія и даже въ 1825 г. не внесенную въ индексъ сомнительныхъ книгъ.

Но вотъ, когда въ 1831 году переводчикъ Іерузалема Т. Крыловъ началъ ходатайствовать о посвященіи своего труда наследнику престола, «дабы младые соотечественники, возбуждъсь таковымъ славнѣйшимъ примѣромъ, съ большей ревностью стремились заранѣе озарять себя Божественнымъ свѣтомъ хри-

¹⁾ А. С. С., 1830, 139.

стіанскої вѣры», книга, по обычаю, изъ придворныхъ сферъ была отослана въ Синодъ на разсмотрѣніе. Составить о ней отзывъ было поручено синодальному члену Григорію (Постникову).

Предчувствуя неблагопріятный исходъ дѣла, Крыловъ представилъ на высочайшее (конечно, только синодальное) благоусмотрѣніе все «официальные и публичные отзывы о сей книгѣ Россійскихъ писателей». Но, стараясь побѣдить количествомъ, онъ, при выборѣ отзывовъ, не справлялся съ духомъ времени. Между тѣмъ, еще спорно, пользу или прямой вредъ могла ему теперь принести, напр., ссылка на заключеніе объ этой книгѣ сиб. комитета гражданской цензуры 1814 года, гдѣ, между прочимъ, сказано: «книга сія писана была авторомъ для послѣднаго принца Бр.-Люнебургскаго, и сіе уже одно доказываетъ, что въ ней ничего противнаго христіанству быть не можетъ»...

Справедливый и правосудный Григорій отнесся къ возложенному на него порученію довольно объективно, если принимать во вниманіе тогдашнія бури. Онъ призналъ за этимъ произведеніемъ все значеніе достойнаго борца съ отголосками вольномыслія XVIII в. Но въ то же время, какъ строгій ревнитель «истинно древней и истинно православной Церкви», онъ стремился защитить послѣднюю даже отъ рикошетныхъ ударовъ. Исключая все, что въ «Размысленіяхъ» послало слѣды теории естественнаго развитія (грубость патріарховъ, объясненіе разсѣянія языковъ несогласіемъ строителей Вавилонской башни и проч.), Григорій также поступалъ и съ такими «въ протестантскомъ духѣ упреками Римско-католической церкви, кои падаютъ и на Церковь православную и потому весьма соблазнительны для православныхъ читателей». Напр., «авторъ, замѣчаетъ онъ, намекая на Римскую Церковь, называетъ духъ ея «невѣжествомъ, фанатизмомъ, суевѣріемъ и стѣсненіемъ совѣсти». Но, поелику многое изъ того, за что протестанты такъ порицаютъ Р.-Католическую Церковь, содержитъ и наша, то сіе порицаніе, падая и на нашу церковь, должно производить въ нашихъ читателяхъ сильный соблазнъ». Подобнымъ же образомъ разсуждалъ Григорій и на счетъ взглядовъ автора на церковное преданіе, виѣшнее благолѣпіе, монашество, посты.

Синодъ, находя, что «сочиненіе сіе протестанта, предназначенное для послѣднаго принца Бр.-Люнебургскаго и вообще для протестантскихъ его подданныхъ, какъ то изъ посвячитель-

наго письма явствуетъ,—написано вообще не въ такомъ видѣ, который бы совершенно согласовался со строгимъ смысломъ ученія православной Гр.-Католической Церкви, дать согласіе на посвященіе не нашелъ возможнымъ». «Строжайшій же выговоръ съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, кои не заслуживаютъ одобренія въ сочиненіи Іерузалема», Иннокентію былъ сообщенъ въ Кіевъ чрезъ митр. Евгенія ¹⁾ *).

А. Котовичъ.

¹⁾ А. С. С., 1831, 306.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки